

УДК 2-9(476):27-64

**ВЛИЯНИЕ КАТОЛИЧЕСКОГО ДУХОВЕНСТВА
НА МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ГРОДНЕНСКОЙ
ГУБЕРНИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX В.**

Казак О.Г.

В статье анализируются различные аспекты взаимоотношений православных и католиков как крупнейших конфессиональных групп Гродненской губернии Российской империи в начале XX в. в контексте реализации моделей самоидентификации «свой – чужой». Особое внимание уделено характеристике деятельности католических священнослужителей и сочувствующих им фанатично настроенных прихожан по разжиганию межконфессиональной враждебности (оскорбления в адрес православных, препятствование обучению детей католиков в официальных образовательных учреждениях, открытие тайных польских школ). Приводятся фактографические доказательства пропагандистской деятельности католических священнослужителей в польском национальном духе, анализируется реакция властей на эту деятельность.

Ключевые слова: православные, католики, духовенство, межконфессиональные конфликты, пропаганда.

**THE CATHOLIC CLERGY INFLUENCE ON THE
INTERCONFESSIONAL RELATIONS IN THE GRODNO REGION
OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE EARLY 20TH CENTURY**

Kazak O.G.

The article analyses various aspects of the relationship between the largest confessional groups in the Grodno region of the Russian Empire – Orthodox Christians and Catholics in the early 20th century in the context of the implementation of self-identification models “friend or foe”. Particular attention is paid to the characteristics of the activity of Catholic clergy and their sympathetic fanatical parishioners to incite interfaith hostility (insults to the Orthodox, obstruction

of teaching Catholic children in official educational institutions, secret Polish schools' foundation). The article provides factual evidence of Catholic priests' propaganda activities in the Polish national spirit, analyses the reaction of the authorities to these activities.

Keywords: Orthodox, Catholics, clergy, interconfessional conflicts, propaganda.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований и Российского фонда фундаментальных исследований в рамках выполнения проекта по теме «Образы "своего", "другого" и "чуждого" в контексте традиции веротерпимости в белорусско-литовских губерниях, центральной и северной России: сравнительный исторический и философско-религиоведческий анализ (конец XIX – начало XX в.)» на 2020-2022 гг., проект № Г20Р-211.

Гродненская губерния Российской империи являлась поликонфессиональным и политэтническим регионом. Согласно данным переписи 1897 г., православные составляли 57,34 % населения, католики – 24,11 %, иудеи – 17,49 %. Белорусский язык считали родным 43,97 % населения губернии, малорусский (украинский) – 22,61 %, еврейский – 17,37 %, польский – 10,08 %, великорусский – 4,62 % [29, с. VI-VII]. Отношения между носителями различных моделей религиозной и этнической идентичности, проживавшими по соседству, во многом зависели от местных католических (в большей степени) и православных священнослужителей. В начале XX в. фиксировался рост активности католического духовенства, деятельность которого часто способствовала росту социальной напряженности в населенных пунктах со смешанным в конфессиональном плане населением.

Цель статьи – на основе впервые введенных в научный оборот источников проанализировать механизмы влияния католического духовенства на протекание межконфессиональных отношений в Гродненской губернии

Российской империи в начале XX в. Особое внимание уделено выявлению и оценке элементов пропаганды польской национальной идеи со стороны католических священнослужителей. Рассматриваемые события важны для понимания современной ситуации в Республике Беларусь, где в последние годы наблюдается усиливающаяся политизация религиозной жизни.

Зачастую в своих проповедях католические священники (ксендзы) позволяли себе открытые оскорбления в адрес Православной Церкви, агитировали переходить в католицизм. Например, в 1907 г. ксендз Доменкевич в проповеди на польском языке перед участниками крестного хода в колонии Незабудка-Михалово Белостокского уезда заявил: «Братья-католики! Наша польская вера дана нам, католикам, самим Христом, поэтому она первая в мире. Несколько десятков лет она была угнетаема русскими, которых вера черная, как земля, и они сами черные. На нашу польскую веру сам Бог с неба светит ясным солнцем, поэтому, братья, мы, католики, в этой вере такие же ясные, как солнце» [8, л. 12–12 об.]. В этом же году настоятель Залеснянского костела Сокольского уезда И. Угрин, выступая после отправления духовных треб больному крестьянину д. Нововоля в присутствии католиков и православных, заявил: «Кто хочет быть спасенным, тот непременно должен принять католицизм. Православная вера равна паганской (языческой – *O.K.*), лютеранской и еврейской, а католическая вера есть святая. У нас в костеле глава Святой Папа, а в церкви только Царский портрет. Сам Царь принял бы католицизм, но его не допускают паганские чиновники» [9, л. 3]. В архивных фондах отложились десятки документов с описанием подобных случаев.

Часто появление экзальтированных католических священнослужителей в определенной местности нарушало мирный характер отношений представителей различных конфессий. Типичный случай описан в рапорте Гродненского уездного исправника Гродненскому губернатору (в 1907-1912 гг. – В.М. Борзенко) от 14 октября 1908 г., в котором идет речь о ситуации в Индурской волости: «Среди крестьянского населения Индурской волости хорошие отношения. Сблизили их: одинаковое общественное положение,

одинаковый уровень развития, общие интересы и условия, которыми составлена общественная жизнь в одних и тех же деревнях. Различие вероисповеданий не отражалось на добрых отношениях, установленных между православными и католиками, и в крестьянской среде нередко бывали случаи смешанных браков, упрочивших добрые отношения родственными. Религиозной вражды между крестьянами не было, и в отдельных случаях, когда в той или иной родственной семье происходило какое-либо событие в роде, например, свадьбы, похороны и т.п., православные всегда посещали костел, а католики – церковь». Данная ситуация резко изменилась после назначения в костел ксендза Н. Соболевского: «Он – экзальтированный фанатик, питает личную вражду к Православию и с целью присоединения православных крестьян, проживающих в его приходе, к Римско-католической вере поселил к ним ненависть со стороны католиков» [21, л. 3-3 об.].

Аналогичным образом описывал роль настоятеля Дворецкого костела Слонимский уездный исправник: «До прибытия ксендза М. Ужумедского в местечко Дворец православные и католики жили очень дружно, не чуждались друг друга и ходили без различия вероисповедания – православные в костел, католики в церковь. Браки совершались смешанные. За последние же четыре года, т.е. со времени прибытия в Дворец ксендза М. Ужумедского, все эти добрые христианские отношения настолько обострились, что они начинают друг друга ненавидеть; при малейшей размолвке католики обзывают православных отщепенцами, недовярками и кацапами, чуждаются православных, не принимают у себя дома...» [26, л. 7 об.].

Священник православной Самуйловичской церкви в письме Волковысскому уездному исправнику так характеризовал результаты появления новых ксендзов в Кремяницком приходе: «Ксендзы эти страстно вооружают крестьян-католиков против живущих с ними рядом и в деревне православных... Описывать все факты преследования католиками (особенно женщинами) православных при всех обстоятельствах соседской хозяйственной жизни в деревне и на поле нет возможности. Только разъяренный бездушный

фанатизм обезумевшего ксендза способен заставить слепого в вере крестьянина-католика так преследовать на каждом шагу своего собрата соседа, с которым он два года тому назад жил по-братски, дружно, как преследует теперь» [16, л. 21 об.].

Волковысский уездный исправник в своем рапорте Гродненскому губернатору (в 1912-1913 гг. – П.М. Боярский) от 7 февраля 1913 г. характеризовал межконфессиональную ситуацию в местности после назначения нового викарного Волковысского костела: «Деятельность ксендза И. Пуциловского создала невозможным положение в этой местности: католики проявляют глумление над православными, преследуют их всевозможными способами, хулят православную веру и тем желают заставить православных принять католичество. Отношения между католиками и православными в этой местности настолько обострились, что католики забрасывают камнями дома православных и между ними может возникнуть кровавая расправа на религиозной почве». Особо подчеркивалось, что до появления в Волковысском уезде ксендза И. Пуциловского подобных проблем не наблюдалось: «Раньше, до прибытия в Волковысский приход ксендза И. Пуциловского, ничего подобного не было, и крестьяне, как католики, так и православные, никаких религиозных вопросов не возбуждали, присутствовали одни у других на крестинах, свадьбах и похоронах» [19, л. 1-1 об.].

Фанатично настроенные ксендзы пользовались непререкаемым авторитетом у католического населения. В рапорте Слонимского уездного исправника (15 ноября 1905 г.) сообщалось об отношении местных католиков к Слонимскому декану: «Ксендз Петранис – человек умный, дела свои ведет к намеченной цели энергично; благодаря же такому сочувствию среди прихожан-католиков, которые, раболепно повинаясь его воле, скрывают все его приказания, нет никакой возможности обстоятельно и вполне точно выяснить то участие, которое он принимает в этом деле» [27, л. 52]. Имелась в виду инициатива о передаче церкви Рогожненского прихода католикам.

Гродненский губернатор (в 1902-1903 гг. – П.А. Столыпин) в письме Министру внутренних дел (в 1902-1904 гг. – В.К. Плеве) от 20 сентября 1902 г. так характеризовал роль в локальном сообществе ксендза Цехановецкого костела Бельского уезда И. Гауля: «Влияние его на католическое население и симпатии к нему последнего настолько велики, что, по словам самих католиков, в лице ксендза И. Гауля Бог послал им своего ангела» [12, л. 7]. По аналогичной причине чиновникам было крайне сложно собрать сведения о деятельности упомянутого ксендза И. Пуциловского: «Католиков не представлялось возможным допрашивать, так как, находясь под влиянием ксендза, никто из них, под опасением гнева его и местных преданных ему односельчан-католиков, давать показания против него и не решился бы» [6, л. 3 об.].

Межконфессиональные конфликты начала XX в. в населенных пунктах Гродненской губернии отличались различной интенсивностью. Наиболее резонансный конфликт произошел в местечке Зельва Волковысского уезда. В 1905 г. в соответствии с распоряжением Синода на месте недостроенного костела планировалось возведение православного храма. Местные католики регулярно срывали процесс строительства. Трагический инцидент произошел 2 января 1907 г. Подвозу строительного материала для церкви на этот раз препятствовала тысячная толпа католиков. В полицию и стражников полетели палки и колья, из толпы раздались звуки револьверных выстрелов. Полиция была вынуждена впервые с момента начала конфликта применить оружие. Были убиты шесть человек, семь человек получили ранения. Для поддержания порядка в Зельву были введены войска 113 пехотного Шуйского полка, которые находились в местечке до февраля 1908 г., пока «вражда не потеряла свой острый характер» [2, с. 54-55].

В других населенных пунктах конфликты на религиозной почве, спровоцированные деятельностью католического духовенства, носили менее радикальный характер. Например, проповеди ксендза Каменского костела Гродненского уезда Б. Яроцкого, по сведениям Гродненского уездного исправника, привели к тому, что «католики порицали православную веру,

произвели кощунственное глумление над православными иконами и изменили существовавшие хорошие соседские отношения с православными настолько, что даже не разрешают последним выпасать домашний скот в общем с ними гурте, как было прежде. Ныне скот православных отделяют от гурта, наносят с остервенением побои скоту камнями и палками только потому, что таковой принадлежит православным» [22, л. 35 об.]. Регулярно фиксировались факты предвзятого отношения католиков к православным.

В начале XX в. более отчетливо проявилась роль католических священнослужителей как главных выразителей польской национальной идеи. Например, непреременный член Гродненского губернского присутствия в письме Гродненскому губернатору (в 1906 г. – В.К. Кистер) характеризовал эту тенденцию следующим образом: «Более всего деятельность ксендзов проявляется в проведении польской национальной идеи; выражается она в посылке ими по деревням со смешанным православным и католическим населением органистов с т.н. терциарками или деотками; назначение их – забавлять детей пением польских национальных песен и религиозных песен и проповедовать о превосходстве католичества над православием» [17, л. 52 об.].

Революцию 1905-1907 гг. многие ксендзы рассматривали как шанс для возрождения польской государственности. По сведениям Генерал-губернатора Виленского, Ковенского и Гродненского (в 1905-1909 гг. – К.Ф. Кршвицкий), ксендз И. Сангин 27 августа 1906 г. во время выступления в г. Белостоке призывал собравшихся «не оказывать материальной помощи местным русским школам и отстаивать свои права по примеру 1863 г. Ксендз И. Жоховский (Бельский уезд) в январе 1906 г. призывал прихожан «не признавать местную администрацию и установить свой собственный суд и управление, обещая, что при полном единодушии поляки достигнут в течение пяти лет всего, чего хотят» [5, л. 68]. По информации из другого источника (помощника начальника жандармского управления) данный священнослужитель фактически призывал к созданию параллельных органов власти в Бельском уезде. Так 2 января 1906 г. с крыльца своего дома ксендз И. Сангин убеждал прихожан, «чтобы они избрали

из каждой деревни по известному числу десятских и представили бы ему списки, чтобы народ не слушал ни земских начальников, ни полицию, а лишь этих выборных, чтобы эти выборные явились к нему и он вместе с ними отправился к губернатору просить, чтобы над ксендзами не было светской власти» [24, л. 26].

Некоторые католические крестные ходы превращались в политические манифестации. Подобные случаи имели место, в частности, в местечке Каменка (1 октября 1906 г.) и в г. Мосты (24 июня 1907 г.) Гродненского уезда. Участники крестного хода несли с собой иконы, хоругви, флаги в польских национальных цветах. Гродненский уездный исправник крайне негативно оценивал крестный ход в местечке Каменка: «Группа всадников прибыла в местечко Каменка с крестным ходом несомненно с ведома и согласия настоятеля Каменского костела ксендза Б. Яроцкого с целью более наглядного проведения в жизнь идей новой эры польского владычества среди местного белорусского населения. Имела вид как бы национальной польской гвардии и произвела на местное население довольно серьезное впечатление в смысле возрождающегося польского владычества в этом крае» [23, л. 3 об.].

Католическое духовенство часто выступало резко против обучения детей своих прихожан в церковно-приходских школах и школах грамоты (народных училищах). В 1895 г. среди православного сельского населения Гродненской губернии ученики правительственных школ составляли 2,25 % от общего числа жителей, среди католиков – 0,47 % [28, с. 185]. Ситуация с посещением детьми католиков церковно-приходских школ и школ грамоты ухудшилась после издания римско-католическим епископом С. Зверовичем специального циркуляра от 12 февраля 1902 г., в котором утверждалось, что «всякое участие католиков прямым или косвенным образом в делах поощрения и развития этих школ, их посещение католическими детьми равносильно измене и отступлению от римско-католической веры и церкви» [4, с. 81]. Данный акт развязал руки многим ксендзам, которые и ранее не питали симпатий к этим учебным заведениям. По данным Гродненского губернатора, сразу после циркуляра

епископа число католиков в церковно-приходских школах уменьшилось с 3859 до 1717 учащихся [4, л. 4]. Сохранились десятки архивных документов, свидетельствующих о том, что ксендзы запрещали прихожанам отправлять детей в школы под угрозой лишения возможности получения духовных треб. По сведениям, представленным в Министерство внутренних дел (20 марта 1902 г.), данный процесс достиг наибольших масштабов в Белостокском, Бельском, Пружанском и Сокольском уездах. Например, настоятель Страбельского костела Белостокского уезда Ю. Лопуский «закрыв церковно-приходскую школу в д. Докторцы и приказал крестьянам и впредь не пускать туда своих детей, говоря, что посещать школу детям-католикам можно только ту, в которой хоть чему-нибудь учат по-польски, и за неисполнение этого требования грозил недопущением к исповеди и причастию» [12, л. 6 об.]. Настоятель Кремяницкого костела Волковысского уезда И. Головня в сентябре 1906 г. «с амвона строго приказал прихожанам не посылать своих детей в русские школы, а обучать их дома по-польски». При этом священнослужитель ссылался на несуществующий указ Виленского римско-католического епископа [16, л. 3].

Примечательно, что зачастую католики были позитивно настроены к обучению своих детей в школах, но вынуждены были подчиняться воле фанатично настроенных ксендзов. Об этом 22 декабря 1909 г. писал Гродненский губернатор в письме в Департамент духовных дел иностранных исповеданий: «При таком положении, конечно, не приходится говорить о каком-либо несочувственном отношении самого населения к русским школам, а нужно лишь удивляться той железной дисциплине, которой скованны католики-русские своими руководителями – поляками и полякующими ксендзами. Донесения с мест и личные мои наблюдения при объезде губернии свидетельствуют о том, что многие отцы со слезами сообщают о воспреещении их детям посещать русские школы и, тем не менее, подчиняются этим велениям с амвона» [7, л. 4]. С января 1906 г. дети католиков перестали посещать Дубровское приходское училище Сокольского уезда. По мнению учителя

данного училища, многие делали это «вопреки своему и родителей желанию» [3, л. 14]. Настоятель Друскеникской церкви в письме мировому посреднику 1 участка Гродненского уезда от 7 января 1903 г. отмечал деструктивную роль ксендза А. Зверко: «До настоящего учебного года римо-католики весьма охотно, исключительно по своей доброй воле посылали детей своих в школу, не имея причин, которые удерживали бы их от этого. Сами католики открыто заявляют, что ксендз насилует их волю, действуя на них угрозами лишиться Святого Причастия» [15, л. 35].

Параллельно с агитацией против церковно-приходских школ и школ грамоты ксендзы призывали католиков открывать тайные польские школы и в большинстве случаев курировали их работу. Гродненский губернатор (в 1906–1907 гг. – Ф.-А.А. Зейн) в письме Генерал-губернатору Виленскому, Ковенскому и Гродненскому от 22 августа 1906 г. сообщал о наличии таких школ в семи населенных пунктах Бельского, Волковысского и Гродненского уездов. Виновность за их открытие возлагалась на местных ксендзов [10, л. 98]. После обнародования Манифеста 17 октября 1905 г. многие ксендзы Гродненской губернии начали открывать польские школы, внушая прихожанам о мнимой «законности» данных учреждений. По информации пристава 3 стана Гродненского уезда в таких школах преподавался «исключительно Закон Божий на польском языке по инициативе местных ксендзов, поощряемых высшим духовенством» [18, л. 57].

Как правило, при раскрытии тайной польской школы виновные отделывались небольшим денежным штрафом. Так ксендз И. Кучинский, устроивший в д. Поречье Гродненского уезда в 1909 г. польскую школу на 68 человек, во время дознания демонстрировал «полную самонадеянность и явное пренебрежение к могущей постигнуть его каре» [11, л. 3]. Как уже отмечалось, католическое население, попавшее под влияние ксендзов, всячески скрывало факт незаконной деятельности священнослужителей. В случае посещения местными чиновниками и полицией домов, в которых находились тайные школы, ученики сразу разбегались и через некоторое время собирались в

другом помещении [18, л. 57]. Подобная модель поведения способствовала тому, что католики (частично в силу навязанных ксендзами представлений, частично из-за страха перед местными католическими священниками) все больше ощущали свою обособленность от живущих по соседству православных.

Внимание чиновников привлекал процесс катехизации – преподавания ксендзами основ католической религии детям. В рапорте Пружанского уездного исправника Гродненскому губернатору (27 ноября 1911 г.) отмечалось: «Такое обучение, или т.н. катехизация, нисколько не являлось бы вредным, если бы производили его ксендзы из чисто религиозных побуждений. В действительности же ксендзы, за малым исключением, пропитаны религиозно-национальным фанатизмом, и катехизация в их руках служит для проведения антирусских идей: они внушают детям, что этот край польский, что вера их лучше православной, что они должны говорить и учиться только по-польски, словом, вселяют в них вражду ко всему русско-православному и таким образом проводят польскую тенденцию» [25, л. 10]. Волковысский уездный исправник в это же время докладывал губернатору, что катехизация обычно проводилась на польском языке, в некоторых случаях тайно и в присутствии взрослых. При появлении полиции на такого рода собраниях люди сразу расходились. Это давало повод уездному исправнику предполагать, что «под прикрытием катехизации некоторые ксендзы склонны допускать тайное недозволенное обучение» [20, л. 7]. Большинство уездных исправников рекомендовало усилить контроль за катехизацией, разрешить ксендзам проводить ее исключительно в костелах.

Данные переписи 1897 г. свидетельствуют, что польский язык не был родным для большинства католиков Гродненской губернии. В то же время многие местные ксендзы стремились распространить на своих прихожан модель польской национальной идентичности. В упомянутом письме Гродненского губернатора от 22 декабря 1909 г. в Департамент духовных дел иностранных исповеданий отмечалось: «Долгом считаю заявить, что, по моему

мнению, подобного рода проповеди являются чрезвычайно вредной и опасной с государственной точки зрения пропагандой. Дело в том, что коренное население губернии исконно русское, говорит поголовно обычно на русском языке. Конечно, вековой гнет Польши в прошлом и влияние ополчившихся помещиков и фанатических полонизаторов-ксендзов в настоящее время наложили некоторый отпечаток, и часть населения несколько знакома также и с польской речью, но, во всяком случае, до сего еще времени даже принадлежность к Римско-католической Церкви не обуславливает непереносимого знания польского языка, а тем более грамоты. Поэтому очевидно, что воззвания римско-католического духовенства к своей пастве, воспрещающие под угрозой духовной кары посещать русские школы и рекомендуемые взамен этого польскую грамоту, имеют прямо исключительно целью ополячение населения, хотя и принадлежащего к римско-католическому вероисповеданию, но, тем не менее, по происхождению исконно русского» [7, л. 2 об.].

После обнародования (17 апреля 1905 г. Указа «Об укреплении начал веротерпимости») многие ксендзы, ссылаясь на данный правовой акт, стали требовать права преподавания в народных училищах Закона Божьего на природном языке учащихся (в их понимании – польском). Однако, согласно личному разъяснению Гродненского губернатора, следовало отдавать предпочтения сведениям о языке местного населения, сообщаемым должностными лицами полиции и волостными правлениями. Например, в отношении ситуации во 2 земском участке Гродненского уезда полиция сообщала следующее: «Население состоит исключительно из белорусов, говорящих на своем природном белорусском языке, поэтому Закон Божий учащимся римско-католического исповедания в народных училищах, расположенных в районе 2 земского участка, может преподаваться лишь на их природном языке» [14, л. 25]. Аналогичная ситуация сложилась в Верейковском приходском училище Волковысского уезда. Законоучитель римско-католического вероисповедания ксендз В. Лавринович организовал

образовательный процесс на польском языке. Однако в донесении пристава 4 стана Волковысского уезда (23 августа 1905 г.) отмечалось: «Все жители Вереек – белорусы, нет ни одного католика, который принадлежал бы к польской народности и говорил бы по-польски» [13, л. 65]. Примечательна переписка управляющего Виленской римско-католической епархии К. Михалькевича с Министром внутренних дел (в 1906–1911 гг. – П.А. Столыпин) по поводу празднования в Гродненской губернии в 1911 г. юбилея освобождения крестьян от крепостной зависимости. К. Михалькевич просил разрешения на проповедь на польском и литовском языках и получил от министра следующий ответ: «Как Вашему Высокопреподобию известно, Гродненская губерния населена почти исключительно русскими крестьянами. Крестьяне польской и литовской народности составляют в названной губернии меньшинство, сосредоточенное на незначительном пространстве в совершенно определенных местностях. Остальная масса крестьян – русская. При таких условиях произнесение проповедей, в данном случае даже не религиозного, а светского содержания, представляется оскорбительным для русской народности попранием прав ее языка, являющегося к тому же государственным». В письме в Департамент духовных дел иностранных исповеданий руководитель епархии отмечал, что «во всех костелах Гродненской губернии со времен введения там католичества проповеди и все дополнительное богослужение ведется исключительно на польском языке, и все католики, как поляки, так и белорусы, исключением лишь незначительного меньшинства литовцев в двух – трех приходах, молятся и поют святые песни дома и в костеле на польском языке, это всем и каждому хорошо известно» [1, с. 279-280]. В конечном счете, было разрешено чтение проповедей на русском языке.

На основе анализа приведенных документов можно сделать вывод, что католические священнослужители отождествляли свою религию с польской национальной идентичностью, которую пытались навязать населению Гродненской губернии. Представители власти осознавали этнокультурные

особенности белорусов, рассматривая их как органичную часть общерусского культурно-цивилизационного единства.

Таким образом, архивные документы свидетельствуют, что практики мирного сосуществования православного и католического населения Гродненской губернии, сложившиеся во многих населенных пунктах, в начале XX в. подвергались ревизии, прежде всего, со стороны фанатично настроенных представителей католического духовенства, призывы которых к межконфессиональному разобщению имели определенный отклик. При этом местные жители зачастую опасались сообщать чиновникам о злоупотреблениях католических священнослужителей. Многие ксендзы считали местное белорусское население объектом распространения польской национальной идентичности. Католическое духовенство призывало своих прихожан к бойкоту официальных образовательных учреждений и инициировало создание тайных польских школ. В результате деятельности таких священнослужителей католики (либо по собственной воле, либо в силу страха перед «духовными наставниками») тяготели к более закрытому образу жизни: игнорировали представителей местной власти и интеллигенции, минимизировали контакты с православными, позволяли явные и скрытые проявления враждебности и агрессии в их адрес. В Гродненской губернии в начале XX в. наблюдался заметный дрейф модели взаимоотношений между католиками и православными от системы координат «свой – другой» к системе «свой – чужой», в большинстве случаев детерминированный прозелитической и пропагандистской деятельностью католического духовенства.

Список литературы:

1. Ганчар А.И. Празднование юбилея освобождения крестьян от крепостной зависимости в Виленской римско-католической епархии: вера, нация, язык (1911 г.) // Современные технологии сельскохозяйственного производства: сборник научных статей по материалам XXIII Международной научно-практической конференции (Гродно, 22 мая, 24 апреля, 15 мая 2020

года): экономика, бухгалтерский учет, общественные науки. Гродно: ГГАУ, 2020. С. 279-281.

2. Казак О.Г. Обострение межконфессиональных отношений в белорусских губерниях Российской империи в контексте политических изменений 1905 г. // Новые исторические перспективы. 2021. № 1. С. 50-59.

3. Копия рапорта учителя Дубровского приходского училища Сокольского уезда Директору народных училищ Гродненской губернии, 12 января 1906 г. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). Ф. 1. Оп. 18. Д. 1084. Л. 14.

4. Линкевич В.Н. Межконфессиональные отношения в Беларуси (1861-1914 гг.). Гродно: ГрГУ, 2008. 105 с.

5. Письмо Генерал-губернатора Виленского, Ковенского и Гродненского Гродненскому губернатору, 6 февраля 1907 г. // НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 18. Д. 1090. Л. 66-68 об.

6. Письмо Гродненского вице-губернатора в Департамент духовных дел иностранных вероисповеданий, 5 марта 1913 г. // НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 18. Д. 1883. Л. 3-4.

7. Письмо Гродненского губернатора в Департамент духовных дел иностранных исповеданий, 22 декабря 1909 г. // НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 18. Д. 1461. Л. 2-4 об.

8. Письмо Гродненского губернатора Генерал-губернатору Виленскому, Ковенскому и Гродненскому, 4 июля 1907 г. // НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 18. Д. 1103. Л. 12-12 об.

9. Письмо Гродненского губернатора Генерал-губернатору Виленскому, Ковенскому и Гродненскому, 2 августа 1907 г. // НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 18. Д. 1164. Л. 3.

10. Письмо Гродненского губернатора Генерал-губернатору Виленскому, Ковенскому и Гродненскому, 22 августа 1906 г. // НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 18. Д. 1084. Л. 98.

11. Письмо Гродненского губернатора Министру внутренних дел, 11 августа 1909 г. // НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 18. Д. 1354. Л. 3-3 об.
12. Письмо Гродненского губернатора Министру внутренних дел, 20 марта 1902 г. // НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 18. Д. 849. Л. 6-7.
13. Письмо директора народных училищ Гродненской губернии Гродненскому губернатору, 16 декабря 1905 г. // НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 18. Д. 1090. Л. 65-65 об.
14. Письмо директора народных училищ Гродненской губернии Земскому начальнику 2 участка Гродненского уезда, 27 марта 1906 г. // НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 18. Д. 1080. Л. 25-25 об.
15. Письмо настоятеля Друскеникской церкви мировому посреднику 1 участка Гродненского уезда, 7 января 1903 г. // НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 18. Д. 849. Л. 35.
16. Письмо настоятеля Самуйловичской церкви Волковысскому уездному исправнику, 12 апреля 1907 г. // НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 18. Д. 1084а. Л. 22-23.
17. Письмо неперменного члена Гродненского губернского присутствия Гродненскому губернатору, 18 апреля 1906 г. // НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 18. Д. 1084. Л. 51-54 об.
18. Письмо пристава 3 стана Гродненского уезда неперменному члену Гродненского губернского правления // НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 18. Д. 1084. Л. 57-58.
19. Рапорт Волковысского уездного исправника Гродненскому губернатору, 7 февраля 1913 г. // НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 18. Д. 1883. Л. 1-1 об.
20. Рапорт Волковысского уездного исправника Гродненскому губернатору, 23 ноября 1911 г. // НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 18. Д. 1682. Л. 7-7 об.

21. Рапорт Гродненского уездного исправника Гродненскому губернатору, 14 октября 1908 г. // НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 18. Д. 1297. Л. 3-3 об.
22. Рапорт Гродненского уездного исправника Гродненскому губернатору, 21 декабря 1907 г. // НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 18. Д. 1110. Л. 33-35 об.
23. Рапорт Гродненского уездного исправника Гродненскому губернатору, 14 октября 1906 г. // НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 18. Д. 1110. Л. 3-3 об.
24. Рапорт помощника начальника Гродненского жандармского управления в Брест-Литовске, Бельском и Пружанском уездах, 10 мая 1906 г. // НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 18. Д. 1054. Л. 26-26 об.
25. Рапорт Пружанского уездного исправника Гродненскому губернатору, 27 ноября 1911 г. // НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 18. Д. 1682. Л. 10-10 об.
26. Рапорт Слонимского уездного исправника Гродненскому губернатору // НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 18. Д. 1166. Л. 6-8.
27. Рапорт Слонимского уездного исправника Гродненскому губернатору, 15 ноября 1905 г. // НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 18. Д. 1053. Л. 52-52 об.
28. Токць С. М. Сацыяльныя і культурныя працэсы ў беларускай вёсцы ў другой палове XIX – пачатку XX ст. Мінск: ДІКСТ БДУ, 2016. 328 с.
29. Тройницкій Н. А. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Гродненская губерния. СПб: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904. XVI, 319 с.

Сведения об авторе:

Казак Олег Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Института социально-гуманитарного образования Белорусского государственного экономического университета (Минск, Беларусь).

Data about the author:

Kazak Oleg Gennadievich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Political Science Department, Institute of Social and Humanitarian Education, Belarusian State Economic University (Minsk, Belarus).

E-mail: olegkazak90@tut.by.